

Николай Михайлович Карамзин

Письмо сельского жителя

Николай Михайлович Карамзин

Письмо сельского жителя

В ряде статей, напечатанных в 1802 году в «Вестнике Европы», Карамзин развивал свои излюбленные мысли о необходимости дворянам-помещикам переехать из города, где они живут расточительно, в деревню и там исполнять долг свой перед крестьянами, быть их защитниками и т. д. Это «Письмо», напечатанное в конце 1803 года от имени сельского жителя (в журнале оно было подписано именем Луки Еремеева), должно было как бы свидетельствовать, что призывы издателя журнала услышаны, что помещики стали понимать свой долг, что в деревне начало сказываться благодетельное следствие крепостного права – все крестьяне трудятся, они богаты и счастливы, и все это только благодаря заботам своего помещика.

Содержание

#1	0005
Примечания	0022

**Николай Михайлович
Карамзин
Письмо сельского жителя**

Вы желаете, любезный друг, знать все подробности моего уединения; но мы, деревенские люди, живем так обыкновенно, так просто, что не умеем сказать о себе ничего любопытного и достойного примечания. Только вы, горожане, имеете способ разнообразить свою деятельность и пестрить жизнь вашу ежедневными новостями в планах, надеждах, удовольствиях. Если не всегда можете хвалиться счастьем, то по крайней мере богатеете опытами, наблюдениями, и ваши сутки стоят нашего месяца. Мы в деревне наблюдаем только погоду, и наши записки служат историею не сердца человеческого, а термометра...

Вы назовете это сельскою шуткою – и не обманетесь. Жизнь моя, думаю, счастлива, ибо я доволен ею. Лета, конечно, исцеляют нас от сей душевной лихорадки, от сего внутреннего неизъяснимого беспокойства, которое тревожит молодость; но и самый чистый воздух полей и лесов, самый вид сельской природы не имеет ли также благотворного влияния на сердце и не располагает ли его *физически* к сладкому чувству покоя? Спроси-

те о том у ваших медиков-философов; а между тем нахожу сие действие вероятным, чувствуя себя как будто бы другим человеком со времени моего приезда в деревню.

Вам известно, любезный друг, что я не бывал мизантропом даже и в таких обстоятельствах, которые могли бы извинить маленькую досаду на ближних; знаете, что я некогда пылал ревностию иметь обширный круг действия, в нескромной надежде на свою любовь к добру и человечеству. Но долговременное ученье в школе опыта и *фериуля*{1}, сего жестокого мастера смирили мою гордость – так смирили, что я, оставив все дальнейшие требования на блестящую долю *славных людей*, взялся – за плуг и соху! Подивитесь же теперь чудной игре нашего самолюбия: с сего времени мне кажется, что добрый земледелец есть первый благодетель рода человеческого и полезнейший гражданин в обществе. «Где много героев, там много кровопролития; где много судей, там много ябеды и неправосудия; где много купцов, там много роскоши; но где много пахарей, там много хлеба, – а хлеб есть корень изобилия». Что вы скажете о сем рас-

суждении? Оно, верно, полюбилось бы китайцам.

Это вступление готовит вас к длинному письму: пеняйте сами на себя! Старики и деревенские жители любят поговорить, когда есть случай; а вы заставили меня взяться за перо, которому уже давно не было дела. Мне хочется, например, дать вам идею о главных моих *сельских подвигах*.

Я вырос там, где живу ныне. Путешествие и служба совершенно раззнакомили меня с деревнею; однако ж, сделавшись рано господином изрядного имения и будучи, смею сказать, напитан духом филантропических авторов, то есть ненавистию ко злоупотреблениям власти, я желал быть заочно благодетелем поселян моих: отдал им всю землю, довольствовался самым умеренным оброком, не хотел иметь в деревне ни управителя, ни приказчика, которые нередко бывают хуже самих худых господ, и с удовольствием искреннего человеколюбия написал к крестьянам: «Добрые земледельцы! Сами изберите себе начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и считайте меня своим

верным заступником во всяком притеснении». Возвращаясь наконец к пенатам родины, чтобы умереть там, где начал жить, я сердечно утешался приятною мыслию, что найду деревню свою в цветущем состоянии; как поэт воображал богатые нивы, пажити, полные житницы, избыток, благоденствие и сочинял уже в голове своей письмо к какому-нибудь русскому журналисту о счастливых плодах свободы, данной мною крестьянам... Приезжаю и нахожу бедность, поля, весьма худо обработанные, житницы пустые, хижины гниющие!.. С горестным удивлением призываю к себе стариков, которых имена были мне еще с ребячества памятны, – расспрашиваю их и наконец узнаю истину! Покойный отец мой, живучи сам в деревне, смотрел не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотел, чтобы и те и другие были хорошо обработаны, – и в нашей деревне хлеб родился лучше, нежели во многих других; господин богател, и земледельцы не беднели. Воля, мною им данная, обратилась для них в величайшее зло: то есть в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства, дошедшему с

некоторого времени до ужасной крайности как в нашей, так и в других губерниях. Эта язва в здешних, удаленных от столицы местах есть новое явление: живо помня лета своего детства, помню и то, что прежде в одни большие годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая друг друга домашним пивом или вином, купленным в городе. Ныне будни сделались для них праздником, и люди услужливые, под вывескою орла, везде предлагают им средство избавляться от денег, ума и здоровья: ибо в редкой деревне нет питейного дома. К чести некоторых дворян, соседей моих, скажу, что они отвергают выгоды, представляемые им откупщиками, и не дозволяют заводить у себя храмов русского неопрятного Бахуса; но другие не так думают, — особливо те, которые сами в откупах участвуют. Не мое дело осуждать сей легкий и модный способ умножать свои доходы; не смею вообразить, чтобы он был несогласен с достоинством благородного и великодушного патриота: ибо вижу многих почтенных людей, которые прибегают к нему без зазрения совести и хвалятся искусством в сем важном промысле. Мнения

и вкусы различны. Однако ж те ошибаются, которые думают, что русские искони любили излишнее употребление вина и что никакая законодательная мудрость не отвратит их от сего порока: он заразил народ только со времен Годунова; сей царь, желая обогатить казну государственную, умножил число питейных домов; [1] а случай и удобность, как известно, соблазняют людей. Например, при князе Василье Ивановиче народ московский, без сомнения, не любил пьянства, ибо он укорял сим пороком иностранных солдат: немцев, поляков и литовцев, взятых тогда в русскую службу [2]. Но при царе Алексее Михайловиче оно уже усилилось в Москве так, что благодетельное правительство искало мер остановить его, уничтожило питейные дома и положило во всяком городе быть одному *кружешному двору*, чтобы продавать вино только ведрами и кружками... Извините, любезный друг: такая материя совсем неприятна. Но мне надлежало здесь иметь дело с откупщиками и блеснуть перед ними *ученостию в истории* их промысла. Я пострадал с их господ, что скоро выдам книгу о вреде его

для государства и нравов, если они не избавят нашей деревни от своей вывески. Жестокая угроза и 1000 рублей убедили их исполнить это желание. Вот первый мой *подвиг* для блага земледельцев!

Землю мою отдавали они внаймы и брали пять рублей за десятину, которая может принести от 30 до 40, – но с трудом, а им не хотелось и для своей выгоды работать. Я возобновил господскую пашню, сделался самым усердным экономом, начал входить во все подробности, наделил бедных всем нужным для хозяйства, объявил войну ленивым, но войну не кровопролитную; вместе с ними на полях встречал и провожал солнце; хотел, чтобы они и для себя так же старательно трудились, вовремя пахали и сеяли; требовал от них строгого отчета и в нерабочих днях; перестроил всю деревню самым удобнейшим образом; ввел по возможности опрятность, чистоту в их избах, не столько приятную для глаз, сколько нужную для сохранения жизни и здоровья. Наконец, – без всяких английских мудростей, без всяких хитрых машин, не усыпая земли ни золою, ни известкою, ни толчены-

ми костями, – смею похвалиться, что и друзья земледелия и друзья человечества могут с удовольствием взглянуть на мои поля, село и жителей его. Всего же более похваляюсь тем, что крестьяне благодарят меня за нынешнюю свою трезвость и работливость, видя счастливые плоды их: из бедных они сделались зажиточными; имеют хлеб, лошадей, скотоводство и надежду быть со временем сельскими богачами. Один опыт мог уверить их в счастье трудолюбия. Принудьте злого делать добро: отвечаю, что он скоро полюбит его. Заставьте ленивого работать: он скоро удивится своей прежней ненависти к трудам. Сократ называл добродетель *знанием*: всякий порок можно назвать *невежеством*, – ибо он есть слепота ума; ибо в нем гораздо более страдания, нежели приятности.

Иностранные путешественники, видя в России беспечную леность крестьянина, обыкновенно приписывают ее так называемому рабству. «Как ему охотно трудиться (говорят сии господа), когда помещик может всегда отнять у него имущество?» Но смею уверить их, что такая философия никогда не вхо-

дила в голову нашим земледельцам: они ленивы от природы, {2} от навыка, от незнания выгод трудолюбия. Какой господин, в самом деле, отнимает у крестьян хлеб, лошадей и другую собственность? И разве нет между ими богатых и промышленных? Достоин замечания, что нерадивые всегда приписывают избыток работающих не трудам их, а счастью! Иностранцы глубокомысленные политики, говоря о России, знают все, кроме России.

Я рассуждал так же в городском кабинете своем; но в деревне переменил мысли. У нас много вольных крестьян: но лучше ли господских они обрабатывают землю? по большей части напротив. С некоторого времени хлебопашество во всех губерниях приходит в лучшее состояние: от чего же? От старания помещиков: плоды их экономии, их смотрения наделяют изобилием рынки столиц. Если бы они, приняв совет иностранных филантропов, все сделали то же, что я прежде делал: наложили на крестьян оброк, отдали им всю землю и сами навсегда уехали в город, то я уверен, что на другой год пришло бы гораздо менее хлебных барок как в Москву, так и в

Петербург. Не знаю, что вышло бы через пятьдесят или сто лет: время, конечно, имеет благотворные действия; но первые годы, без сомнения, поколебали бы систему мудрых английских, французских и немецких голов. Она хороша, если бы мы, приняв ее, могли заснуть с Эпименидом по крайней мере на целый век; но всякий из нас хочет жить хорошо, спокойно и счастливо ныне, завтра и так далее. Время подвигает вперед разум народов, но тихо и медленно: беда законодателю облетать его! Мудрый идет шаг за шагом и смотрит вокруг себя. Бог видит, люблю ли человечество и народ русский; имею ли предрассудки, обожаю ли гнусный идол корысти – но для истинного благополучия земледельцев наших желаю единственно того, чтобы они имели добрых господ и средство просвещения, которое одно, одно сделает все хорошее возможным. К счастью, мы живем в такое время, когда мудрое, отеческое правительство угадывает все истинные потребности государственного и народного блага: с какою радостью читал я указ о заведении школ деревенских! Вот исполинский шаг к вернейшему благоден-

ствию поселян! Они русские: следственно, имеют много природного ума; но ум без знания есть сидень. Сей указ обрадовал меня тем более, что я в нынешнюю зиму по собственному движению завел у себя школу для крестьянских детей, с намерением учить их не только грамоте, но и правилам сельской морали, и на досуге сочинил катихизис, самый простой и незатейливый, в котором объясняются *должности поселянина, необходимые для его счастья*. Умный новый священник деревни нашей был в этом деле моим критиком, советником и помощником. За то и я бываю его критиком и советником, когда он пишет сельские проповеди. Доставлю вам некоторые из них, и вы увидите, что у нас есть свои Йорики. Когда отец Савва начинает говорить в церкви, земледельцы мои подвигаются к нему ближе и ближе: это хороший знак. Мы живем с ним дружно, часто обедаем вместе и, сидя на диване, в разговорах своих перебираем всю натуру от кедра до иссопа. Отец Савва есть не только теолог и моралист, но и физик, ботанист, даже медик самоучкою: я взял на себя должность аптекаря, и мы ребар-

баром, сосновыми шишками и шифгаузенским пластырем делаем здесь чудеса. Крестьяне в охоте лечиться едва ли уступают городским жителям. Слабому человеку сродно искать облегчения в его страданиях, и медицина в некотором смысле есть дочь природы. Чем она проще, тем лучше, и торжество ее всего явнее в деревнях, где природа, укрепленная суровою жизнью, при малейшем пособии искусства как Геркулес отражает болезнь. Действительность нашей маленькой аптеки отводит поселян от употребления вредных средств, предписываемых им в болезнях ворожеями, колдунами и другими сельскими адептами: польза немалая! Мне сказывали, что в московской Заиконоспасской академии с некоторого времени учат студентов анатомии и ботанике, то есть готовят быть и священниками и лекарями; эта мысль прекрасна и достойна нынешнего правительства. Так издревле ведется на Востоке, где одни люди врачуют душу и тело. Благодарения медика возвышают достоинство нравственного учителя. Вижу опыт того в своей деревне: крестьяне мои уважают и любят свя-

ценника как отца и сделались при нем гораздо набожнее. Я с своей стороны помогаю сему счастливому их расположению усердным примером своим и всякое воскресенье являюсь в церкви. Человек с умом образованным имеет тысячу побуждений быть добрым: набожность заменяет их для грубого земледельца и смягчает его душу. Ему кажется так естественно молиться небу, предмету надежды и страха для полей его! Питаясь непосредственно из рук природы, может ли он забывать ее творца великого? Но, к несчастью, суеверие гораздо обыкновеннее набожности между людьми непросвещенными.

Зная, любезный друг, охоту вашу к садам, желал бы я сообщить вам прелестное описание какого-нибудь *Эдема*, мною заведенного; но, к великому благополучию, не имею уже работников для такого дела... Изъясню вам загадку. Сначала мы нередко ссорились с крестьянами за нерадивость и худое исполнение моих приказаний: как же наказывать виноватых? Я выдумывал для них работы в саду, довольно трудные, и хотел удивить моих соседей лабиринтами, Парнасами, водяными зер-

калами и проч. Но мало-помалу число преступников уменьшалось, и наконец работы наши совсем остановились. «Тем лучше!» – сказал я садовнику и не думаю более о лабиринтах. Поля и рощи служат для меня самым приятнейшим английским садом. Некоторые из здешних дворян жалеют о моем дурном вкусе: что делать? Я люблю добрых, исправных земледельцев гораздо более садов и не могу без вины наказывать их трудами, вымышляемыми прихотью. Одно нужное и полезное кажется мне хорошим. Так, например, я с великим удовольствием отрыл собственными руками источник свежей воды подле самой большой дороги, обложил его диким камнем, сделал вокруг дерновое канапе, часто сижу на нем и веселюсь, смотря на проезжих, утоляющих жажду *моею* водою... Разумеется, что ваш приятель сравнивает себя тогда с славными благодетелями Востока, которые, следуя предписанию Алкорана, делают колодези для странников в степях аравийских. Видите мой *романизм*: это болезнь неизлечимая.

Однако ж, любезный друг, несмотря на то,

я не хотел завести у себя романических *праздников розы*, Пусть во Франции семнадцатилетняя невинность как феникс украшается венками славы: у нас все девушки смиренны и невинны. Не хочу бросить *яблока раздора* между ими. Довольно, что мы три раза в год целою деревнею веселимся, празднуя весну, окончание полевых работ и день рождения моей дочери. Широкий господский двор обращается тогда в залу пиршества и храм изобилия; даем обед, какие описываются в старинных русских сказках и в Гомеровых поэмах; сажаем земледельцев с их семьями за *столы дубовые* и не жалеем плодов земных для угощения. После обеда является русский *трубадур*, слепой украинский *скоморох* с *волынкою*, и начинаются пляски. Между тем и *рогов мифологической козы Амальтеи* льется пиво и мед для шумного собрания; и если половица всех народов говорит правду, что хмель обнаруживает сердце, то крестьяне любят меня душевно; ибо они, в Бахусовых восторгах, хотят беспрестанно целовать мои руки и называют меня самыми ласковыми именами... Да и в самом деле, за что им не лю-

бить господина, который старается быть добрым и главное свое удовольствие находит в их пользе? Они люди и, следовательно, имеют чувство справедливости. Злая неблагодарность не так обыкновенна, как думают; но мы часто твердим об ней для того, что она красиво выражается в риторических фразах; для того, что гораздо легче говорить о неблагодарности, нежели делать добро великодушно и бескорыстно... Крестьяне мои знают, что я, подобно, другим, мог бы завести винный завод, приставить их к огромным кубам, палить огнем неугасаемым, взять винную поставку и нажиться скорее, нежели от земледелия. Я требую от них работы, но единственно той, для которой человек создан и которая нужна для самого их счастья. Они ленились, пили и терпели недостаток; ныне работают весело, пьют только в гостях у своего помещика и не знают нужды. Сверх того, обхождение мое с ними показывает им, что я считаю их людьми и братьями по человечеству и христианству... Нет, не могу сомневаться в любви их!

Это уверение, любезный друг, приятно ду-

ше моей; но еще гораздо приятнее, гораздо сладостнее то уверение, что живу с истинною пользою для пятисот человек, вверенных мне судьбою. Прискорбно жить с людьми, которые не хотят любить нас: всего же несноснее жить в свете бесполезно. Главное право русского дворянина – быть помещиком, главная должность его – быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный: ибо Александр желает счастья земледельцев.

Примечания

Впервые опубликовано в «Вестнике Европы», 1803, № 17. В ряде статей, напечатанных в 1802 году в «Вестнике Европы», Карамзин развивал свои излюбленные мысли о необходимости дворянам-помещикам переехать из города, где они живут расточительно, в деревню и там исполнять долг свой перед крестьянами, быть их защитниками и т. д. Это «Письмо», напечатанное в конце 1803 года от имени сельского жителя (в журнале оно было подписано именем Луки Еремеева), должно было как бы свидетельствовать, что призывы издателя журнала услышаны, что помещики стали понимать свой долг, что в деревне начало сказываться благодетельное следствие крепостного права – все крестьяне трудятся, они богаты и счастливы, и все это только благодаря заботам своего помещика.

Сноски

1

Слова летописца: «Устави же царь Борис в России и пошлину имати со всяких товаров, и мыты, и перевозки, и пиво продавати из казны».

[^^^]

2

См. Герберштейна, Гваньини, Олеария. – Место, где они жили (за Москвою-рекою), прозвалось *Налейками*, от слова *налей*, которое часто употреблялось ими.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

...ученье в школе опыта и феруля... – Ферула (греч.) – прут, розга; школа феруля – в переносном смысле – надзор, тяжелый режим. Карамзин имеет в виду переносное значение – школа жизни, тяжелых испытаний и опыта.

[^^^]

2

Иностранные путешественники, видя в России... леность крестьянина... приписывают ее так называемому рабству... Но смею уверить их, что такая философия никогда не входила в голову нашим земледельцам; они ленивы от природы... – Помещичья ограниченность Карамзина, заставлявшая его доказывать благотельность для крестьян крепостной зависимости от землевладельца, привела его к ложному обвинению народа в природной ленисти.

[^^^]

[^^^]